

**Р.В. Фурцев**

## **Итальянский поход Максимилиана I Габсбурга в 1496 году**

В статье анализируются военно-политические мероприятия императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга в ходе реализации его итальянского похода 1496 года с целью противодействия Франции и укрепления позиций империи в Италии. Данная кампания является одним из ключевых эпизодов начальной фазы Итальянских войн.

*Ключевые слова:* Италия; империя; война; политика; Священная лига.

**И**стория рубежа XV–XVI веков имеет для исследователя важное самостоятельное значение. Это период, когда в Европе начали формироваться национальные государства, которым предстояло сыграть ведущую роль в истории на протяжении всех последующих столетий. Взаимоотношения между этими государствами с самого начала складывались негладко, обоюдные претензии — территориальные, экономические, династические — нередко заканчивались военными конфликтами, принимавшими затяжной характер. В этих войнах определялась расстановка сил на континенте, и хотя состав противоборствующих коалиций был непостоянен, тем не менее перманентные столкновения обозначили основные узлы противоречий в международной политике, многие из которых просуществовали до XIX века.

Одну из ключевых проблем позднего Средневековья представлял вопрос политической гегемонии, возникший в Европе в связи с падением престижа Священной Римской империи. В наиболее концентрированном виде разнонаправленные династические устремления европейских правящих домов проявились в Итальянских войнах. Фактически это были первые масштабные столкновения на континенте в эпоху раннего капитализма, поэтому экономический фактор в них не только присутствует, но и играет заметную роль, определяя династическую политику. Итальянские войны, по сути, явились пробой сил трех держав — Франции, Испании и империи. Начавшись под предлогом борьбы за господство на Апеннинском полуострове, они в конечном итоге переросли в битву за главенствующее положение в Европе.

Неаполитанская кампания короля Франции Карла VIII 1494–1495 годов привела к слому старого порядка на Апеннинском полуострове и обусловила вмешательство европейских держав, объединившихся в Венецианской священной лиге для отражения французской интервенции. Этот альянс положил

начало политической системе равновесия в Европе и конец императорскому универсализму.

Когда Карл VIII пересек Альпы, глава империи Максимилиан I Габсбург осознал, что если он даст французам карт-бланш в Италии, то это будет означать для него отказ от старинных привилегий империи, а возможно, даже потерю императорского достоинства и примата среди христианских государей. Поэтому он не только присоединился к военно-политическому союзу, образованному Венецией, папой, Испанией и Миланом ради изгнания французов из Италии, но и сам стал активно готовиться к итальянскому походу, несмотря на то, что основная часть французской армии уже покинула Италию. По своему характеру заальпийская кампания главы империи Максимилиана I была завоевательной. Другой на его месте вряд ли так легко предпринял бы подобный шаг, не имея достаточных сил и средств и всецело завися от помощи со стороны союзников. Вероятно, Габсбурга подкупала как раз таки смелость данного плана. Кроме того, он до конца кампании тешил себя призрачными надеждами, что немецкие сословия под впечатлением от невиданных успехов имперского оружия передумают и все-таки в какой-то мере профинансируют нужды монаршей политики, чего Максимилиан I тщетно добивался с 1495 года. Но все это принадлежало к разряду фантазий, а реальность была такова, что в тот период он в основном мог опираться лишь на средства и войска, предоставленные участниками антифранцузской лиги. Не упустить благоприятный, по его мнению, момент для начала крупномасштабных внешнеполитических акций — вот чему глава империи придавал особое значение [1: с. 93]. Параллельно Габсбург намеревался решить вопрос о процедуре совершения императорской коронации в Риме.

Итак, в конце августа 1496 года король пересек Альпы. Ни один имперский князь не последовал за ним. Максимилиана I сопровождали только 300 рейтаров. Другие отряды еще меньшей численности пробирались на юг иными маршрутами [7: с. 452]. Как шутили итальянцы, римский король прибыл со свитой уровня мелкого немецкого кастеллана [6: с. 242]. В Комо Габсбург получил радостное известие о том, что испанская армия в полной боеготовности сконцентрировалась на пиренейской границе и ждет только сигнала для наступления. Венеция же, боясь усиления позиций империи в Италии, уже практически открыто заявляла о своем неприятии политики германского короля. Но также и другие итальянские государства, в частности Савойя, Монферрат и Феррара, ввиду незначительности военных сил Габсбурга занимали все более сдержанную позицию. Сейчас, когда стало уже совершенно очевидно, что прямая угроза со стороны Франции миновала, отношение итальянцев резко изменилось: им казалось, что заальпийский поход главы империи потерял для них всякий смысл. Поведение Венеции вызывало даже приступы гнева у Максимилиана I. Остальные союзники вели себя покладистее, хотя у них были различные точки зрения по поводу целей и задач итальянского похода. Так что Габсбургу

с трудом удавалось выдерживать основные параметры своего стратегического плана. В то время как он поставил все на карту, желая нанести по Франции сокрушительный удар, миланский герцог Лодовико Моро, к примеру, заботился главным образом о безопасности своих альпийских рубежей и как максимум стремился к отвоеванию Асти. Но даже в самых смелых проектах Габсбург не мог ожидать от атаки на альпийском направлении решающего перелома в войне с Францией.

Поэтому ближайшими целями операции монарх избрал Геную и тосканское побережье. Пизанцы неоднократно заверяли его в своей верности империи и обращались к нему за помощью. В Комо Максимилиан I подтвердил сделанные ранее распоряжения о подготовке морской экспедиции, которая должна была стартовать из Генуи. Сначала он намеревался перехватить в открытом море транспортные суда, перевозившие на родину из Неаполя остатки французской армии. А далее его войско должно было на хорошо оснащенных боевых кораблях переправиться в Прованс [7: с. 462].

Между тем 29 августа 1496 года монарх снова обратился к имперским сословиям, требуя от них предоставления займов на военные нужды. В послании он указывал на то, что до сих пор использовал лишь средства своих родовых земель и выражал готовность прибегать к ним на благо империи и в будущем. Но между тем, как подчеркивал Габсбург, материальные ресурсы его личных владений истощились. Поэтому он, дескать, и просит сословия оказать содействие в восстановлении имперских прав в Италии и приобретении императорской короны и предупреждает их о негативных последствиях их неповиновения, угрожая прервать поход, «что послужит во вред империи и на пользу Франции», и заканчивая свое обращение пламенным призывом: «Все зависит от вас, немцы» [5: № 4284]. Однако и на сей раз сословия предпочли отмолчаться.

31 августа Максимилиан I был торжественно встречен в ломбардском местечке Меда посланцами участников лиги [5: № 4292]. В целом он добился на тот момент принципиального согласия членов альянса, за исключением Венеции, на ведение наступательных действий против французов. Хотя его стремление заполучить императорскую корону оставалось непоколебимым, но не менее важно для него в тот период было реализовать с помощью союзников свой генеральный план, дабы раз и навсегда «обрубить французам крылья». В Меде Габсбург также подтвердил свое уже озвученное ранее намерение направиться сначала в Геную и Пизу, чтобы или перехватить французов на их обратном пути на родину, или же нанести внезапный удар по Флоренции. На всякий случай он установил контакт с изгнанным Пьеро Медичи, которого, возможно, планировал вернуть к власти под эгидой империи [5: № 4293, № 4304].

Не заезжая в Милан, Максимилиан I поспешил в Виджевано, где собирался принять очередное посольство венецианцев [5: № 4306]. Между тем дипломаты

Республики Святого Марка нарочно тянули время, и прошли долгие три недели, прежде чем миссия наконец прибыла ко двору монарха. Зато представители других членов лиги без промедления собрались в королевском лагере, и Максимилиан I вскоре смог начать обсуждение конкретных тактических планов. К дискуссии был привлечен и посланец Неаполя. На встречу также были вызваны вассалы империи из Северной и Средней Италии. В ловких, порой запутанных переговорных маневрах Габсбург пытался склонить послов безоговорочно поддержать запланированные им военные мероприятия.

Для монарха речь прежде всего шла об осуществлении его «морского плана»: стартовав из Генуи, сначала предполагалось отрезать путь возвращавшимся на родину морем из Южной Италии частям французской армии, а потом продвигаться к Ливорно и Пизе. Для этой операции лига должна была сосредоточить свои корабли в порту лигурийской столицы. При этом Максимилиан I пока не стал распространяться о том, что он планировал высадиться со своим войском на юге Франции для последующего соединения с испанской армией, так как прекрасно знал негативное отношение Лодовико Моро к подобному замыслу. Ведь миланский правитель хотел как можно дольше удерживать монарха в роли гаранта безопасности герцогства в Западной Ломбардии, которая, согласно пожеланию Сфорцы, должна была стать плацдармом для нападения на Францию. Поэтому необходимо было изыскать дополнительные силы для размещения их на территории Миланского государства. Испания же, как надеялся Габсбург, с радостью поддержит данный план, а может, даже и Венеция, которая приветствовала теперь любые инициативы, способные увести главу империи из Италии. Кроме того, монарх сообщил, что рассчитывает привлечь на свою сторону герцога Лотарингии Рене II обещанием передать тому Прованс в случае победы над Францией [5: № 4304].

5 сентября 1496 года Максимилиан I изложил собравшимся в Виджевано послам некоторые пункты стратегического плана, предусматривавшие оснащение флота в Генуе, войну на море против Франции, захват Ливорно, оказание помощи Пизе и оборону лигурийского побережья. В итоге 7 сентября, после состоявшихся прений, Максимилиан I выступил с окончательным вариантом краткосрочного плана действий под названием «*Capita regum*». В нем он отказался от ведения боевых операций против Франции на альпийском фронте, но в то же время пообещал миланцам меры по защите территории герцогства на границах с Монферратом, Савойей, Салуццо и Асти. В качестве ближайших целей он провозгласил освобождение Пизы, которая-де являлась имперским леном, завоевание Ливорно — «ворот для вторжения французов в Тоскану», а также подчинение Флоренции власти лиги [5: № 4321].

Максимилиан I так построил переговорный процесс, что порой складывалось впечатление, будто глава империи был готов идти на уступки Венеции. Очевидно, сознавая, что власти республики не осмеливаются на явный разрыв союзнического договора, он всеми силами старался переубедить их.

В очередном послании к дожу, датированном 9 сентября, Габсбург призывал правительство Венеции выплатить обещанные субсидии и внести свой вклад в спасение Италии. Он заявил, что, идя на большие жертвы и рискуя многим, пришел в Италию, а Венеция же в самый ответственный момент подвела его. Если, мол, союзники упустят этот уникальный шанс, то это будет означать конец Италии [5: № 4324].

Тем временем венецианской синьории становилось все труднее выдерживать оказываемое на нее давление и лавировать в попытках уклониться от выполнения союзнических обязательств. В правительственных кругах республики высказывались опасения, что возможные военные успехи лиги в Италии пойдут исключительно на пользу Милану и что готовность ряда участников альянса, прежде всего Испании, вести войну с Францией не подлежала сомнениям. С другой стороны, и французскую угрозу не стоило недооценивать, особенно с учетом масштабной политики вооружений, проводимой Карлом VIII. 12 сентября Максимилиан I заявил, что не собирается вечно дожидаться венецианской миссии и через несколько дней отправится в Геную и Пизу, дав старт военной кампании.

Подготовка флота в Генуе между тем шла полным ходом. Причем на сей раз, желая противостоять французской экспансии, лигурийский город добровольно взял на себя все расходы по оснащению кораблей и фактически встал на сторону лиги. Еще 16 июля Габсбург пообещал в награду передать генуэзцам во владение Пьетрасанту, а 20 сентября подтвердил Генуе все ее старые привилегии, которые, по утверждению властей города, якобы сгорели в пожаре [7: с. 485]. 23 сентября Максимилиан I покинул Виджевано и через Тортону направился к Лигурийскому побережью, куда он еще раньше передислоцировал свои контингенты [5: № 4373].

27 сентября, практически на месяц позже, чем было запланировано, Максимилиан I торжественно вошел в Геную и сразу же с головой погрузился в организацию морской операции. Ежедневно в город для последующей транспортировки прибывали войска, среди них были и 1500 швейцарцев. Из числа флорентийских эмигрантов король отобрал нескольких человек, хорошо знакомых с обстановкой в Тоскане [5: № 4416]. Однако в стане союзников по антифранцузскому альянсу по-прежнему отсутствовало полное единодушие, поэтому перманентно возникали различные трения. Когда вновь встал вопрос о перехвате французских судов на пути из Южной Италии, Венеция заявила резкий протест. Также и неаполитанцы не хотели теперь нарушать свои обязательства, поскольку они клятвенно пообещали французам безопасный отход. В целом же Республика Святого Марка продолжала тактику саботажа. Венецианский Сенат предпочитал откупаться от обвинений в нарушении союзнического договора, выплачивая субсидии небольшими порциями. Основное же бремя финансовых расходов, связанных с проведением кампании, легло помимо самого монарха на миланского герцога [5: № 7571].

Максимилиан I хотел любой ценой прибыть в Ливорно раньше французов. Когда он сообщил, что будет лично возглавлять военно-морскую операцию, ошеломленные послы членов лиги в один голос стали упрашивать его отказаться от этой затеи. Однако государь, несмотря на уговоры, без всяких колебаний променял седло лошади на капитанский мостик своего флагманского корабля. Как образно отмечал венецианский посол Фоскари, «один час, проведенный на море, для короля был равен тысяче прожитых лет» [5: № 4397].

4 октября 1496 года в ставку короля вернулся с отчетом капитан Альвеграда, посланный ранее в Пизу разведать и оценить обстановку. Военачальник ошибочно, как показали дальнейшие события, посчитал захват Ливорно легким предприятием (*impresa facilissima*). Максимилиан I согласился с его мнением и от имени лиги тотчас приказал пизанцам начать военные действия против враждебного города [5: № 4409].

6 октября перед самым отплытием глава империи чинно представил посла лиги герцога Альбрехта Саксонского, своего старого полководца, одержавшего ряд знаменательных побед в ходе Бургундской войны, который, по словам Габсбурга, должен будет атаковать Францию с двух сторон: из Бургундии и из Шампани. Причем курфюрст Альбрехт привел с собой 600 рейтаров. Максимилиан I непрестанно подчеркивал, что для него первостепенной задачей являлась широкомасштабная война против Франции, а не локальные военные акции в Италии [6: с. 337].

В тот же день монарх взшел на палубу своего флагмана «Гримальда» и дал команду отчаливать. Его флот состоял в общей сложности из 21 судна с 1300-ми солдатами на борту и несколькими артиллерийскими орудиями. Еще примерно 1200 ландскнехтов и 700 рейтаров отправились к месту назначения по суше. Неблагоприятные погодные условия значительно осложняли и замедляли переезд из Генуи в Пизу. К тому же поступали тревожные известия, что французы в Провансе начали снаряжать военные корабли для отправки в Ливорно. Кроме того, как раз в те дни скончался неаполитанский король Фердинанд II и вопрос о правопреемстве в Неаполе грозил расколоть лигу [5: № 4429, № 4421]. В такой ситуации Максимилиану I не терпелось поскорее добраться до конечной цели путешествия. Наконец, после многих перипетий Габсбург 21 октября прибыл в Пизу, где разместился во дворце Медичи [9: с. 35].

Относительно будущего юридического статуса Пизы среди членов альянса не было единого мнения. Суверенитет империи над этим городом в течение последних веков почти был предан забвению. В конце XIV века Пиза попала под власть Флоренции и добилась формальной свободы лишь после смерти Лоренцо Медичи в 1492 году. Максимилиан I, несомненно, хотел вернуть эту тосканскую коммуну в лоно империи. Ведь он не уставал повторять, что никогда не поступится имперскими правами в Италии, даже теми, которые были узурпированы союзниками [5: № 4442]. Однако идею монарха о реставрации имперской Италии в полном объеме, а тем более о присоединении Италии

к империи не мог разделять ни один другой партнер по лиге. За исключением разве что Лодовико Моро, который, очевидно, надеялся играть роль имперского наместника на полуострове. Как отмечает немецкий историк Г. Кречмайер, «пизанский вопрос все глубже вбивал клин в отношения Венеции с Миланом и Флоренцией» [3: с. 405]. Республика Святого Марка решительно отстаивала тезис о «свободе Пизы» и всячески старалась помешать как распространению имперской власти в Средней Италии, так и возникновению новой морской державы в лице Флоренции, которая опиралась бы на порты в Ливорно и Пизе. Также и понтифик не желал ничего слышать о главенстве империи на Апеннингах. Более того, он сам был бы не прочь завладеть тосканскими землями, вплотную примыкавшими к Папской области. А испанцы, равным образом отвергавшие возможность установления имперского суверенитета над Пизой, предпочли бы лучше передать город флорентийцам, если те взамен вступят в лигу и разорвут союз с Францией.

Такие противоречия изначально тормозили совместные военные мероприятия. К тому же неясным оставался вопрос, кому достанется Ливорно, если город все же будет завоеван общими усилиями. Любое крупное военнополитическое решение, а также вопросы, связанные с предоставлением материальных ресурсов, Максимилиану I приходилось пробивать с огромным трудом. В итоге данные ему союзниками обещания, полагаясь на которые он и отправился летом 1496 года в заальпийский поход, оказались ложными. Прежде всего, иллюзорной выглядела надежда, что одного королевского авторитета и без значительных военных сил будет достаточно, чтобы сплотить итальянцев в борьбе с Францией и ее союзниками на Апеннингах. Решения, принимаемые на военном совете, должны были обязательно утверждаться представителями членов лиги. И даже если соответствующие власти порой публично с чем-то и соглашались, то не было никаких гарантий, что втихомолку они не устроят саботаж принятых решений. Ситуацию усугубляла и сплоченная оппозиция заседавших на рейхстаге в Линдау имперских сословий, все более дистанцировавшихся от монарха [8: с. 105, 258].

На примере Ливорно и Флоренции Максимилиан I намеревался дать наглядный урок итальянским союзникам Франции. 22 октября в Пизе собрался военный совет лиги, где обсуждался план осады Ливорно. Обсуждение тактических вопросов сопровождалось бурными дебатами о том, кому должна будет принадлежать эта крепость после ее взятия. Наиболее ожесточенный спор по этому поводу, что неудивительно, вспыхнул между представителями Милана и Венеции. Участники заседания также посоветовались о положении дел во Флоренции и, в частности, прорабатывали возможность реставрации в республике власти Медичи, чтобы таким образом включить Флоренцию в состав лиги [5: № 4441].

Наконец, после напряженных дискуссий союзники 23 октября единогласно постановили провести штурм города. На подготовительную фазу отводилось

не более восьми дней. При этом миланцы и венецианцы должны были соорудить линию защитных укреплений выше по течению Арно у местечек Понте ди Сакко и Понтедера, дабы вероятные атаки флорентийцев не мешали осаде Ливорно. А Максимилиан I тем временем собирался лично провести рекогносцировку оборонительных сооружений крепости с моря и суши [5: № 4449].

Соотношение сил было явно в пользу Габсбурга. Он располагал собственным войском примерно в 2000 человек, частично находившихся еще на подходе, плюс к этому 3200 страдиотов и ландскнехтов под венецианским командованием. На этом фоне весьма бледно выглядит миланский отряд всего в 100 человек. Очевидно, миланский герцог решил ограничиться столь малыми силами, чтобы лишний раз не провоцировать недоверие венецианцев, и без того подозревавших, что Моро вынашивает экспансионистские планы относительно тосканского побережья. Кроме того, ожидалось прибытие контингентов от правителя Болоньи Ганнибала Бентивольо. На другой стороне силам альянса противостояли всего 500 солдат ливорнского гарнизона. Однако после проведенной всеобщей мобилизации и создания отрядов гражданской самообороны число защитников Ливорно выросло в разы [6: с. 363].

25 октября Максимилиан I снова собрал представителей лиги на военный совет. После обстоятельного доклада по ситуации он предложил атаковать Ливорно одновременно и с моря, и с суши. Так, дескать, взять город намного легче. Хотя крепость и располагает отличной артиллерией, но гарнизон, по утверждению короля, якобы пал духом и уже разбегается. А знать только и ждет благоприятного момента для сдачи крепости. Через пять-шесть дней надо начинать орудийный обстрел вражеских позиций, и вскоре Ливорно, непременно, падет [5: № 4446, № 4447].

Совершенно непонятно, на чем основывалась такая уверенность монарха. Скорее, это был тактический маневр с целью убедить союзников, не мешкая, приступить к активным действиям. Если ливорнцы из-за морской блокады гавани и впали в уныние, то ненадолго — вместо спасительного французского флота, прибытие которого с нетерпением ожидалось со дня на день, на рейде порта Ливорно курсировали генуэзские и венецианские корабли. Обороной города командовал флорентиец Риказоли, который заблаговременно позаботился о доставке в крепость необходимого количества оружия, боеприпасов и продовольствия. В главных крепостных башнях были размещены бойцы флорентийской гражданской гвардии, поклявшиеся любой ценой отстоять Ливорно — «око Флоренции». От исхода этой битвы зависела судьба правившего в тосканской столице *governo popolare* (народное правительство). В народе ходили слухи, что в случае падения крепости лига восстановит «тиранию Медичи», а папа заткнет рот навязчивому трибуну Савонароле [7: с. 494].

В стане Максимилиана I главной проблемой по-прежнему оставалась нехватка финансов и, как следствие, материально-технических ресурсов. В конце октября истек срок союзнических обязательств по выплате субсидий.

И в условиях, когда многие члены и сторонники альянса не исполнили в полном объеме прежние договоренности, вряд ли можно было надеяться на продление соглашений о предоставлении финансовой помощи. Поэтому возникал вопрос, как долго еще удастся удерживать при себе наемников, постоянно жаловавшихся на невыплату положенного содержания?

Полагаться на помощь империи по-прежнему было бессмысленно. Хотя монарх поначалу старался по-дружески увещевать рейхстаг, затем посредством уже «строгих мандатов» и, наконец, отправкой выдержанной в резких тонах петиции от имени всех членов лиги. Но сословия отвечали, что король, мол, должен четко придерживаться решений Вормсского рейхстага 1495 года об имперской реформе, если рассчитывает на содействие с их стороны. Папский посол Кьерегати сделал единственно правильный вывод в такой ситуации: рейхстаг просто не хочет оказывать помощь, вот и всё [5: № 7551].

Венецианцы, имевшие задолженность перед монархом по невыплаченным субсидиям, держали на голодном пайке даже собственные контингенты. Синьория, по-видимому, следовала своему особому плану, отказываясь выделять необходимые средства. Также и понтифик, в тот период начавший войну против римского семейства Орсини и при этом рассчитывавший на помощь Максимилиана I, до сих пор так и не внес ни гроша на общее дело. Фактически роль ключевого спонсора, как и прежде, играл Лодовико Моро, выжимавший из своих владений по максимуму, несмотря на то, что население Миланского герцогства изнемогало под гнетом непомерных налогов.

Дабы не доводить дело до абсолютного фиаско, Максимилиан I в этих обстоятельствах должен был действовать быстро и решительно, не допуская ненужного простоя. Прежде всего следовало взять Ливорно в плотное кольцо осады. Северная сторона города регулярно подвергалась обстрелу уже с первых дней, как королевские войска подступили к Ливорно: 300 швейцарцев заняли позиции на возвышенности прямо напротив крепостных стен и беспokoящим огнем держали защитников города в постоянном напряжении. Аналогичный плацдарм необходимо было развернуть и с южного направления с целью перерезать ливорнцам пути сообщения с ближайшим флорентийским бургом Розиньяно. Поэтому 27 октября монарх велел отряду в 500 ландскнехтов сойти на берег и занять высоты напротив церкви Санта Мария делле Грацие на южных подступах к городу. В то время как на рейде порта курсировало несколько галер, блокируя город с моря. Таким образом, кольцо осады, казалось, замкнулось.

Другие суда союзнической флотилии стали на якорь неподалеку от соседней крепости Малория, карауля отправленный на помощь осажденным французский флот. В задачу же остальных кораблей союзников входил перехват в открытом море французских транспортных судов, перевозивших из Гаэты на родину остатки армии Карла VIII. Но при этом весь флот лиги в момент генеральной атаки должен был собраться в ливорнской гавани. Согласно

тактическому плану, следовало взять на борт максимально возможное число солдат и после массированного артобстрела начать с кораблей штурм порта и крепости. Решающую роль в захвате города Максимилиан I отводил именно флоту [5: № 4448, № 4451].

28 октября крепость впервые подверглась мощному артиллерийскому обстрелу одновременно с разных направлений. Но, как оказалось, батареи располагались слишком далеко, поэтому ядра не причиняли особого вреда. У войск лиги не было штурмовых орудий, способных с такого расстояния пробить стены. В свою очередь из-за того, что крепостные сооружения были буквально напичканы артиллерией и осажденные вели интенсивный ответный и упреждающий огонь, просто не представлялось возможным подтянуть батареи поближе к стенам [7: с. 501]. Кроме того, 29 октября на горизонте, наконец, появилась французская эскадра. Шесть больших кораблей в сопровождении нескольких вспомогательных судов вошли в гавань Ливорно. Несмотря на то, что союзники попытались воспрепятствовать заходу французов в порт, продолжавшийся шторм с сильным встречным ветром обрек все их усилия на неудачу [6: с. 373].

В порту французы выгрузили большой запас провизии и боеприпасов. Таким образом, угроза голода в ближайшей перспективе была устранена. Однако помощь Карла VIII не ограничивалась лишь доставкой провианта и материально-технических ресурсов: в подкрепление гарнизону крепости на судах прибыли 800 швейцарских и гасконских ландскнехтов [5: № 4458].

События этого дня явились тяжелым ударом по авторитету германского короля. Известия с фронта молниеносно распространились по всему полуострову. Действия французов не только прорвали блокаду, но и поколебали и так шаткое единство внутри лиги. Как всегда в подобных случаях, в лагере союзников зазвучали взаимные упреки и обвинения. А воля ливорнцев к сопротивлению, наоборот, несоизмеримо возросла.

В довершение всех бед непрекращающийся шторм удерживал корабли лиги в открытом море и не позволял Максимилиану I сойти на берег. Почти две недели он дрейфовал среди волн бушующего моря, не имея возможности лично вмешаться в ход осады. Только 2 ноября Максимилиан I через посольного смог установить контакт со своей сухопутной армией. После того как погода немного улучшилась, он приказал войскам лиги вновь занять позиции перед крепостью, чтобы провести массированный штурм одновременно и с моря, и с суши. Сам глава империи намеревался взять на борт дополнительное число солдат и атаковать стоящие в гавани французские корабли. Такой маневр, как он полагал, станет решающим моментом в битве за Ливорно [5: № 4465].

Монарх все эти дни словно находился в плену у стихии, теряя драгоценное время. И, желая в конце концов вырваться из этой западни, он пошел ва-банк: 9 ноября Габсбург дал команду приблизиться к берегу для высадки. В итоге ему с большим трудом удалось ступить на землю [6: с. 390].

Понесенные потери, угроза новых французских экспедиций, давящая нехватка финансов, приближающаяся зима и ненадежность союзников, но прежде всего позиция имперских сословий — все эти факторы ставили под сомнение благоприятный исход операции в Тоскане. Перед монархом все острее вставал вопрос, а не следует ли прервать осаду? И что делать в таком случае с французской эскадрой: надо ли отомстить французам за их дерзкую высадку? Их корабли все это время скрывались от штормов за защитным молом внутренней гавани, где благополучно переждали непогоду и теперь выжидали удобного случая, чтобы вырваться из порта и уплыть восвояси. И вот на рассвете 12 ноября наступил благоприятный момент. При сильном попутном ветре французские корабли покинули гавань, при этом не встретив ни малейшего сопротивления со стороны генуэзцев. Более того, французам удалось даже захватить одну галеру союзников с артиллерией и солдатами на борту. Таким образом, Максимилиану I пришлось с берега беспомощно наблюдать за отходом французов, ведь генуэзские капитаны, сославшись на неблагоприятные погодные условия, отказались выполнить его приказ о преследовании уходящего противника, а потом и вовсе заявили, что срок их обязательств подошел к концу, поэтому они, мол, намереваются вернуться на родину [5: № 4482, № 4483].

Макиавелли высказывал суждение, что именно буря спасла Ливорно: ни одна людская помощь не оказала бы такого эффекта [4: с. 48]. Да и сам Максимилиан I в своих воспоминаниях и письмах не находил слов, чтобы описать разгул стихии. Во Флоренции события вокруг Ливорно рассматривались прямо как Божий суд, который словно в очередной раз подтвердил правоту Савонаролы и тем самым возвысил авторитет доминиканца до небес [5: № 4484].

Итог итальянской кампании был плачевным. Габсбургу надо было срочно сворачивать военные мероприятия и распускать армию, чтобы до наступления зимы вернуться домой. Тем более что деньги на оплату наемников кончились. К тому же, как стало известно, испанцы и папа вступили в переговоры с Карлом VIII о заключении перемирия. А предательство венецианцев уже стало притчей во языцех. И хотя сам Максимилиан I выражал мнение, что он не может вести войну одновременно против человека и против природы [2: с. 101], но справедливости ради стоит сказать, что главной причиной его фиаско стали все-таки недостаточная материально-техническая и тактическая подготовка заальпийского похода (как следствие, в том числе и отсутствие поддержки со стороны сословий) и его доверчивость относительно обещаний союзников. Свою ответственность за провал операции Габсбург никогда не признавал, а сваливал вину попеременно на сословия, инсбрукских советников и итальянских союзников, которые все вместе, как он полагал, не оказали достаточной поддержки предприятию и, значит, были повинны в неудачном исходе. Фактическое военное поражение негативно отразилось на его имидже как полководца. Политические же последствия неудачной кампании

были значительно шире, ибо именно с того момента начался постепенный распад Венецианской священной лиги.

В начале ноября 1496 года истекли трехмесячные союзнические обязательства по выплате субсидий, следовательно, дальнейшее военное сотрудничество в рамках лиги было лишено всякой договорной основы. Не говоря уже о том, что эти обязательства выполнялись из рук вон плохо, о чем свидетельствуют постоянная нехватка денег для выплаты содержания наемной армии и проблемы со снабжением, в том числе и провиантом. В таких обстоятельствах Максимилиан I принял единственно верное решение: прервать поход и вернуться в Германию. Что, впрочем, поначалу вызвало у итальянцев немалое удивление.

В местечке Вико Пизано 15 ноября состоялось последнее заседание представителей лиги. Глава империи обрушился с гневной критикой на послов, заявляя, что итальянцы все это время водили его за нос и что он никогда не забудет им этой подлости. Здесь же монарх распустил большую часть своего войска.

Несмотря на всю очевидность ситуации, в источниках встречаются различные точки зрения очевидцев событий по поводу причин провала и прекращения кампании. Так, миланец Корио отмечает, что бездействие лиги было вызвано исключительно спором между Миланом и Венецией по вопросу владения Ливорно и страхом, что монарх втайне собирался в обмен на деньги официально передать город после его взятия флорентийцам, намереваясь к тому же под шумок завладеть Пизой. И когда, мол, его план сорвался, он предпочел отступить. А сам Максимилиан I в своих мемуарах придерживался версии, что якобы тревожные сообщения из Франции заставили его спешно покинуть Среднюю Италию. Он, дескать, получил из надежного источника информацию о том, что Карл VIII подготавливал нападение на Савону и Геную с высадкой десанта на Лигурийском побережье, чтобы отрезать главе империи пути сообщения с этой частью Италии [5: № 4502, № 4524].

После тяжелого перехода Апеннин, во время которого вследствие голодных смертей и обморожений его и так немногочисленное войско поредело, монарх прибыл 21 ноября в Сарцану, откуда скрепя сердце он наконец известил имперские сословия о полном провале операции в Ливорно. Затем после короткой передышки король направился в Павию.

Внезапное отправление монарха привело итальянцев в замешательство. Никто не знал его дальнейших планов, и многие предполагали, что за этим крутым поворотом скрывается очередная уловка Максимилиана I [5: № 4504]. В Венеции проходили многочасовые консультации членов Сената с послами участников лиги с целью выработать единую позицию по поводу того, как реагировать на это событие. Наибольшую тревогу у итальянских политиков вызывали два вопроса: не договорится ли сейчас Габсбург за их спиной с Карлом VIII, а если и нет, то не спровоцирует ли его поспешное отступление

вторжение французов на полуостров? В условиях политической неопределенности Венеция, папа, Неаполь и прежде всего миланский герцог принялись наперебой заклинять Максимилиана I изменить свое решение и не покидать Италию по крайней мере до весны 1497 года или хотя бы оставить здесь боеспособные части на тот же период [6: с. 416]. Ни разу за все время похода союзники не добивались так настойчиво расположения главы империи, как в момент его ухода с Апеннин.

В Павии монарха уже ждали Лодовико Моро и папский легат. Вскоре подъехали и венецианцы. Хотя король в ходе аудиенции снова осыпал делегатов разного рода упреками, тем не менее он держался очень уверенно, вновь заговорил о тотальной войне с Францией и подчеркнул необходимость скорейшего использования плодов достигнутой, по его словам, «победы». Итальянцы, в свою очередь, соблазняли Габсбурга лестью, восхваляли его достижения в Италии и осаждали его просьбами, сопровождаемыми щедрыми предложениями. Все, включая венецианцев, пообещали удвоить ставки ежемесячных субсидий. По их расчетам, выходила сумма в 20 тыс. дукатов вместо положенных 10 тыс. дукатов. Одновременно миланцы и венецианцы оказывали давление на Святой престол с тем, чтобы Максимилиану I было выдано официальное приглашение на императорскую коронацию в Риме [9: с. 38]. Цель совершенно ясна: любыми способами задержать главу империи в Италии.

Форсированным маршем Максимилиан I двинулся из Павии мимо Милана к Комо, где состоялась его встреча с Лодовико Моро [5: № 4558]. Напрасно миланский герцог упрашивал его не покидать полуостров и красноречиво доказывал свою невиновность в превратностях последних месяцев. Но король твердо стоял на своем и согласился лишь оставить на севере Италии немногочисленные имперские контингенты под командованием Сигизмунда Прюшенка для защиты наиболее уязвимых мест от возможного нападения французов.

В местечке Белладжио по пути в Тироль Максимилиан I составил и разослал в адрес Венеции и Милана меморандум под названием «*Consultatio mystica*» («Мистический совет»). Используя таинственные намеки и метафоры, в поистине мистических формах он перечислил адресатам печально известные факты итальянской кампании и одновременно потребовал пересмотра статей договора о создании лиги и введения системы единоначалия в альянсе под его личным руководством. Монарх подчеркивал важность сохранения единства союза, даже сравнивая его с триединством Святой Троицы. В послании говорилось, что Неаполь и Флоренция должны быть обязательно приняты в члены лиги, а Пиза возвращена Флоренции. Следовало наконец принять решение о проведении наступательной войны против Франции на широком фронте. Если Европа сплоченными усилиями не даст, мол, отпор французским поползновениям, то это будет означать «распад лиги и множество бед в будущем». Далее документ содержал подробный план военных действий союзников на грядущий год [5: № 4575].

Таким образом, складывалось впечатление, что глава империи покидал Италию вовсе не в подавленном и удрученном настроении. Напротив, он был полон новых грандиозных замыслов. Обновление лиги и ее адаптация к изменившимся реалиям — вот что его непосредственно заботило в тот момент. Очевидно, Габсбург надеялся, что французы теперь, после его ухода, непременно вторгнутся в Италию, и это обстоятельство заставит итальянских союзников вновь сплотиться и перейти к активным действиям, а кроме того, позволит втянуть империю во всеобщую войну с Францией. В своем неисчерпаемом оптимизме Максимилиан I наверняка рассчитывал, что сможет придать ходу событий иной поворот.

Главным итогом итальянской кампании главы империи стал тот факт, что Франция все же была вынуждена на время отказаться от своих притязаний в Италии, что дало государствам полуострова желанную, хоть и кратковременную, передышку. Поэтому данный факт можно считать определенным успехом Габсбурга, который фактически малыми средствами и без помощи империи смог пусть и не навсегда, но вывести Италию из фокуса французской захватнической политики. И с учетом масштабности целей и задач политики Карла VIII на полуострове и средств, применяемых французским королем, надо оценивать исход этого противоборства скорее по тому, чему удалось воспрепятствовать, а не по количеству выигранных батальей. Ведь в эпоху, когда вся европейская система государств начала настраиваться на решение ключевого вопроса, а именно — какая из держав будет главенствовать на Апенниннах, — устранение непосредственной французской угрозы может рассматриваться как частичный успех внешней политики Габсбурга. А максимальную выгоду из этого противостояния извлекли венецианцы, использовавшие немцев в борьбе с французами и сумевшие таким образом помешать как установлению гегемонии Франции, так и укреплению влияния империи в Италии.

### *Литература*

1. *Фурцев Р.В.* Борьба Максимилиана I Габсбурга за политическое влияние империи в Италии в конце XV в. М.: Спутник+, 2015. 159 с.
2. *Hollergger M.* Maximilian I. (1459–1519) Herrscher und Mensch einer Zeitenwende. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. 322 p.
3. *Kretschmayer H.* Geschichte von Venedig. Gotha: Perthes, 1920. 605 p.
4. *Machiavelli N.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Munchen: Floerke, 1925. 559 p.
5. *Regesta Imperii XIV: Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519.* Bd. 2 / bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
6. *Sanuto M.* I Diarii. T. I. Venezia: Visentini, 1879. 942 p.
7. *Ulmann H.* Kaiser Maximilian I. Auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Bd. 1. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1884. 808 p.
8. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Bd. 2. Munchen: Oldenbourg, 1975. 576 p.
9. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitäts-Buchhandlung, 1909. 128 p.

*Literatura*

1. *Furcev R.V.* Bor'ba Maksimiliana I Gabsburga za politicheskoe vliyanie imperii v Italii v konce XV v. M.: Sputnik+, 2015. 159 s.
2. *Hollergger M.* Maximilian I. (1459–1519) Herrscher und Mensch einer Zeitenwende. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. 322 p.
3. *Kretschmayer H.* Geschichte von Venedig. Gotha: Perthes, 1920. 605 p.
4. *Machiavelli N.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Munchen: Floerke, 1925. 559 p.
5. Regesta Imperii XIV: Ausgewahlte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519. Bd. 2 / bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
6. *Sanuto M.* I Diarii. T. I. Venezia: Visentini, 1879. 942 p.
7. *Ulmann H.* Kaiser Maximilian I. Auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Bd. 1. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta 'schen Buchhandlung, 1884. 808 p.
8. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Bd. 2. Munchen: Oldenbourg, 1975. 576 p.
9. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitats-Buchhandlung, 1909. 128 p.

**R.V. Furtsev**

**The Italian Campaign of Maximilian I of Habsburg in 1496**

The article analyzes the political and military activities of Holy Roman Emperor Maximilian I of Habsburg during the implementation of his Italian campaign in 1496 with the aim to counteract to France and strengthen the position of the Empire in Italy. This campaign is one of the key episodes of the initial phase of the Italian Wars.

*Keywords:* Italy; Empire; war; politics; Holy League.